

**Переписка И.М. Ободовской и М.А. Дементьева
с Т.Г. Цявловской
(По материалам архива Ободовской-Дементьева
в Государственном музее А.С. Пушкина)**

© 2024, Т.Б. Тишунина

Государственный музей А.С. Пушкина,
Москва, Россия

Аннотация: Публикация вводит в научный оборот переписку известных пушкинистов — М.А. Дементьева и И.М. Ободовской, хранящуюся в Государственном музее А.С. Пушкина. Центральное место в переписке занимает обсуждение вариантов перевода с французского языка на русский письма А.С. Пушкина к брату жены — Д.Н. Гончарову. Письмо было найдено М.А. Дементьевым и И.М. Ободовской в РГАДА в 1970 г. в результате многолетней работы с архивом Гончаровых. Обнаружение во второй половине XX в. подлинного письма Пушкина — событие очень важное: 4 страницы пушкинского текста свидетельствуют о крайне тяжелом материальном положении поэта, в связи с которым он был вынужден обратиться к шурину с просьбой одолжить 6 тыс. рублей на 6 месяцев. В этом письме звучит постоянная тема его переписки 1830-х гг.: обеспокоенность о растущей семье, о будущем детей, о невозможности полностью отдаться творчеству и жить литературными трудами. О своей находке пушкинисты рассказали на Научном заседании в музее А.С. Пушкина; в статье приводятся воспоминания об этом вечере, сохраненные А.З. Крейном, первым директором музея. В публикации также говорится о других архивных находках М.А. Дементьева и И.М. Ободовской. Впервые публикуются воспоминания М.А. Дементьева о встречах с выдающимся литературоведом и текстологом Т.Г. Цявловской.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Т.Г. Цявловская, М.А. Дементьев, И.М. Ободовская, Государственный музей А.С. Пушкина.

Информация об авторе: Татьяна Борисовна Тишунина — научный сотрудник, Государственный музей А.С. Пушкина, ул. Пречистенка, д. 12/2, 119034 г. Москва, Россия.

E-mail: tatiana-ti@mail.ru

Для цитирования: *Тишунина Т.Б.* Переписка И.М. Ободовской и М.А. Дементьева с Т.Г. Цявловской (По материалам архива Ободовской-Дементьева в Государственном музее А.С. Пушкина) // *Литературный факт.* 2024. № 1 (31). С. 324–336. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-324-336>

В Государственном музее А.С. Пушкина хранится фонд писателей-пушкинистов, супругов Ирины Михайловны Ободовской (1906–1990) и Михаила Алексеевича Дементьева (1900–1987) — авторов книг «Вокруг Пушкина» (1975), «После смерти Пушкина» (1980), «Пушкин в Яропольце» (1982) и «Н.Н. Пушкина» (1985). Начало их исследовательской работы связано с открытием в Москве в 1961 г. музея А.С. Пушкина. Став членами Совета Содействия, созданного по инициативе первого директора музея Александра Зиновьевича Крейна (1920–2000), И.М. Ободовская и М.А. Дементьев приступили к поиску и сбору материалов о Пушкине в архивах Москвы и Ленинграда. К этому же времени относится и их знакомство с Татьяной Григорьевной Цявловской (1897–1978), три визита к которой Дементьев очень подробно описал в своих «Заметках»¹ (хотя таких встреч за долгие годы общения было, конечно же, гораздо больше).

Первое посещение состоялось 17 декабря 1963 г.:

Квартиру № 12 на 2 этаже в д. № 13 по Староконюшенному (ошибка: Новоконюшенному. — Т.Т.) переулку в Москве я нашел без труда. Т.Г. сама мне отперла дверь. Разделся и малым коридорчиком прошел в комнату-кабинет, всю в стеллажах с книгами, слева друг перед другом два письменных стола; в углу справа в конце комнаты кушетка, здесь же мягкое кресло. Я сел с боку второго письменного стола, а Т.Г. перед ним в ½ оборота ко мне. На столе, вокруг стола, все книги и книги, каталоги, справочники. Я ей представился, отрекомендовался, чтобы она знала, кто я такой, для первого знакомства.

Разговор зашел о музее А.С. Пушкина, и Дементьев попросил рекомендовать известных Татьяне Григорьевне пушкинистов для участия в Совете Содействия музею. Цявловская назвала Семена Абрамовича Гуревича и академика Игоря Михайловича Дьяконова. Относительно писем Натальи Николаевны Цявловская сообщила, что ее просили написать об этом статью, но она отказалась, и ее пишет Сусанна Григорьевна Энгель. Затем Татьяна Григорьевна рассказала Дементьеву историю подготовки к печати писем Натальи Николаевны в период их хранения в Отделе рукописей Румянцевского музея. В конце встречи Цявловская, убежденная в том, что возможности находок новых данных о Пушкине отнюдь не исчерпаны, предложила Дементьеву поработать в ЦГАДА с архивом Гончаровых, где могут быть обнаружены автографы Пушкина, его жены и родственников.

¹ В настоящее время архив Ободовской-Дементьева находится в обработке. В дальнейшем материалы архива цитируются без специальных сносок.

Эта встреча, как упоминалось выше, состоялась 17 декабря. А уже 4 января 1964 г. Дементьев закончил просмотр описей в архиве и зашел к Татьяне Григорьевне посоветоваться, на что в первую очередь обратить внимание:

Я пришел к ней без предупреждения, она сама мне отперла, и застал ее в цветном халате. Прошел к ней в кабинет, в который и она пришла с теплым платком на плечах. Когда я ей читал мои заметки о просмотре, то она была восторженно довольна наличием в архиве личной переписки братьев и сестер Гончаровых и переписки Натальи Ивановны, матери. Она просила в первую очередь просмотреть переписку за годы жизни А.С. Пушкина. На письмах Александры Гончаровой она остановилась и сообщила, что недавно вместе с Бонди была у Ахматовой, которая пишет очерк об Александре, старается ее показать другой, чем она обрисована в воспоминаниях Араповой. Между прочим сказала, что труды Ахматова о Пушкине не скоро закончит, и они в текущем году не выйдут. Я у нее просидел, должно быть, с час, не менее.

И Дементьев с Ободовской приступили к многолетней кропотливой архивной работе: Михаил Алексеевич разбирал документы на русском языке, Ирина Михайловна — на французском. В этом ей очень помогло образование переводчика: она училась на курсах при Государственном техникуме иностранных языков одновременно на двух отделениях: французском и английском, по окончании которых получила квалификацию переводчика. А в 1940 г. с отличием закончила Институт иностранных языков им. М. Тореза и, вернувшись из эвакуации, в 1943 г. возглавила секцию французского языка на кафедре иностранных языков московского Полиграфического института, где преподавала почти 20 лет вплоть до выхода на пенсию в 1962 г. За время работы в институте ею были написаны пять учебных пособий по французскому языку и составлен французо-русский полиграфический словарь.

12 февраля 1964 г. Дементьев посетил Т.Г. Цявловскую вместе с женой:

Мы были у Т.Г. вечером с 7 до 8 с лишним часов. Жена выясняла возможность оплаты переводов с французского писем Н.Н. Пушкиной. Для образца показала письма Татьяне Григорьевне и оставила у нее для прочтения переводы на русский язык писем Д<митрию> Н<иколаевичу>. Здесь же ей прочла краткие аннотации писем Алек-

сандрины к брату. Т.Г. обещала подумать о том, как и в каком размере оплатить труды по переводам моей жене Ободовской И.М.

В 1970 г. в Российском Государственном архиве древних актов, в фонде Гончаровых И.М. Ободовская и М.А. Дементьев обнаружили неизвестное письмо Пушкина к брату жены — Дмитрию Николаевичу Гончарову.

Этому событию было посвящено Научное заседание в музее А.С. Пушкина, которое описал А.З. Крейн в своей книге «Жизнь в музее»:

...Зрительный зал музея забит до отказа, люди сидят на ступеньках, толпятся в дверях: на особо объявленное открытое научное заседание «пробились», наверное, человек 300. На сцене — овальный столик красного дерева, за ним — наша чета. Докладывает Михаил Алексеевич Дементьев: В тот день, как всегда, сидим с Ириной Михайловной в читальном зале РГАДА. Она привычно читает французские тексты и сразу переводит негромко мне, а я, по возможности стенографично, записываю по-русски. В какой-то момент замечаю, что она как-то необычно долго молчит. Посмотрел — вижу, что-то с нею не так... Спрашиваю: «Что с тобой?» Отвечает шепотом: «Тсс...молчи!». Через несколько минут пишет мне на листке: «Кажется, рука Пушкина». Еще через несколько минут записка: «БЕЗУСЛОВНО РУКА ПУШКИНА! ДАЙ ВАЛИДОЛ!» Так в «один прекрасный день» — воистину прекрасный! — супруги обнаружили неизвестное письмо Пушкина на четырех страницах, адресованное брату Натальи Николаевны — Дмитрию Николаевичу Гончарову. Находка подлинного письма Пушкина — событие в нашем веке исключительное, феноменальное... Ему-то и было посвящено сенсационное заседание Ученого совета музея 1 декабря 1970 года, о котором я рассказал [2, с. 515–516].

Это и в самом деле было сенсацией. Находка во второй половине XX в. подлинного письма Пушкина — событие очень важное: 4 страницы пушкинского текста, свидетельствующие о крайне тяжелом материальном положении поэта, в связи с чем он был вынужден обратиться к шурина с просьбой одолжить 6 тысяч рублей на 6 месяцев. И в этом письме звучит постоянная тема его переписки 1830-х гг.: обеспокоенность о растущей семье, о будущем детей, о невозможности полностью отдаться творчеству и жить литературными трудами.

Перевод письма с французского выполнен Ириной Михайловной и неоднократно обсуждался с Татьяной Григорьевной. В данном случае интересны письма: Цявловской от 29 апреля 1971 г. из Малеевки и ответ Ободовской от 6 мая, показывающие, как формировался перевод письма Пушкина, а также каковы были иные варианты работы над ним:

Дорогая Ирина Михайловна, посылаю Вам корректуру Вашей и моей работ. Свое я все выверила, цитаты в моем тексте мне сверили по изданиям в Москве. Но остались у меня в статье несколько вопросов в связи с Вашим переводом. Вы, как я вижу, изменили кое-что, и поэтому у нас с Вами оказался разный текст (в Вашем переводе и моих цитатах из него). Необходимо унифицировать его, что я очень и прошу Вас, Ирина Михайловна, сделать, когда Вы остановитесь окончательно на последнем варианте. Мне кажется, — Вы «переработали» и кое-что получилось сейчас хуже. Я пометила на полях верстки Вашего перевода варианты, которыми я бы заменила Ваши. Вот они:

Вместо: наши с Вами просьбы как бы взаимны

лучше: наши с Вами просьбы встретились бы.

Вместо: Так как Вы глава семьи

лучше: Так как вы глава семейства (Вы с этим в свое время согласились).

Вместо: Я осмеливаюсь надоедать Вам

лучше: я решаюсь надоедать Вам.

Вместо: мои теперешние занятия

лучше: мои нынешние занятия.

(Рукой Ободовской: «У Пушкина в сл<оваре> есть и теперешн<ие> и нынешн<ние> — второе чаще»). Но Ирина Михайловна оставила свой вариант. — *T.T.*)

Вместо: не дают мне возможности целиком (этого выражения нашего времени не было в языке Пушкина) посвятить себя

лучше: мешают мне отдаться (здесь Ободовская нашла компромисс и оставила так: «мешают мне посвятить себя литературным трудам»). — *T.T.*)

Дорогая Ирина Михайловна, я, разумеется, только предлагаю Вам сделать так, как мне кажется правильнее. Но, если Вы со мной не согласитесь, и ошибаюсь я, — то Вы вольны делать, как Вы считаете нужным. Это — Ваше право. Перевод — Ваш, и ответственность — Ваша. Ведь Вы «даете человечеству» русский текст Пушкина... Он должен быть правильным, соответствовать тому, что Пушкин написал

по-французски, он не должен допускать никаких ошибок в трактовке текста, никаких режущих ухо модернизмов, чуждых Пушкину тяжелых оборотов. Поэтому-то Вы и придумывали оборот за оборотом, вариант за вариантом. И — может быть — уже утомившись — Вы не замечали иной раз, что в конце концов упустили что-то хорошее, уже найденное. Это бывает и с большими мастерами, с поэтами, — они ухудшали иногда свой текст (с Пушкиным этого не бывало никогда).

В ответном письме Ободовская сообщает, что с большинством предложений Татьяны Григорьевны она согласна и внесла исправления в корректуру. Но самый первый пункт по-прежнему остался спорным:

Это ужасно каверзная фраза. Она с самого начала не давала мне покоя, и я еще зимой месяца два тому назад поехала в свой Институт им. Мориса Тореза на переводческий факультет посоветоваться с преподавателями литературного перевода. Одна очень милая пожилая дама (она оказалась плем. Кн.Г.) долго со мной сидела, и в конце концов предложила поговорить с их профессором (светило, по ее словам, по части перевода, долго жил во Франции и прекрасно знает оба языка). Через два дня по телефону она мне сказала: — Я могу Вас обрадовать: без всякого моего предварительного пояснения в чем же затруднение, он перевел «наши просьбы обоюдны». На какой-то период времени я успокоилась, а теперь червь сомнения опять меня грызет... Но, *que voulez-vous*, — беру грех на душу! Все равно переводчики и нынешние и грядущих поколений будут меня критиковать, как я сейчас критикую перевод некоторых писем в Ак<академическом> издании или писем Карамзиных (да не услышит Андроников!). Это вполне закономерно.

Приведем оригинал письма А.С. Пушкина на французском языке, опубликованный во «Временнике пушкинской комиссии», а также его перевод на русский язык, выполненный И.М. Ободовской и опубликованный (с небольшими изменениями по сравнению с помещенным во «Временнике») в книге И.М. Ободовской и М.А. Дементьева «Вокруг Пушкина»:

Mon cher Дмитрий Николаевич!

Votre lettre est venue me trouver au moment même où j'allais vous écrire pour vous parler de mes embarras à propos des couches prochaines de Natalie et de l'argent dont je vais avoir grand besoin. — De

cette manière nos demandes se seraient croisées. Cependant j'ai réussi à quelque chose. Le Prince Владимир Сергеевич Голицын se trouve à présent ici, et je lui ai parlé de vous et de votre affaire. — Il m'a paru disposé à vous obliger, et m'a dit qu'à la fin de ce mois il serait à Moscou, où vous pourrez vous aboucher. Si vous arrangez cet emprunt, je vous prierais de me prêter pour six mois* 6,000 roubles dont j'ai grand besoin et que je ne sais où prendre; comme il est parfaitement égal au Prince Gallitzine de prêter 35 ou bien 40,000 et même plus** — c'est la source où vous aurez la bonté de puiser s'il est possible. — Je ne puis le faire moi-même car je ne puis lui donner de garantie que ma parole, et je ne veux pas m'exposer à un refus. — Comme vous êtes le chef de la famille à laquelle je me félicite de m'être allié et que vous êtes pour nous un véritable et bon frère, je risque de vous ennuyer pour vous parler de mes affaires. Ma famille augmente, mes occupations me retiennent forcément à Pétersbourg, les dépenses vont leur train, et n'ayant pas cru devoir les restreindre la première année de mon mariage, mes dettes ont augmenté aussi. — Je sais que pour le moment vous ne pouvez rien faire pour nous, ayant sur les bras une fortune fortement dérangée, des dettes, et une famille à soutenir; mais si Наталья Ивановна avait la bonté de faire quelque chose pour Natalie, как бы мало то ни было, cela serait pour nous un grand secours. Vous savez, que connaissant la gêne habituelle où elle se trouve, jamais je ne l'ai importuné, mais la nécessité et même le devoir m'y obligent — car certes ce n'est pas pour moi, mais bien pour Natalie et nos enfants que je songe à l'avenir. Je ne suis pas riche et mes occupations actuelles m'empêchent de me livrer à mes travaux littéraires qui me faisaient vivre. Si je meurs, ma femme reste sur le pavé et nos enfants dans la misère. Tout cela est triste et me décourage. — Vous savez que Natalie devait avoir 300 p<aysans> de son grand père; Наталья Ивановна m'avait dit d'abord qu'elle lui en donnait 200. Votre grand père n'a pu le faire, et même je n'y ai pas compté; Наталья Ивановна a craint que je ne vende la terre, et que je ne lui donne un voisin désagréable; à cela il serait facile de remédier; il n'y aurait qu'à insérer une clause dans la donation comme quoi Natalie n'aurait pas le droit de vendre la terre. — C'est avec bien de la répugnance que j'ai entamé ce sujet, car au fond je ne suis ni juif, ni usurier, quoiqu'on me l'aye reproché, mais que voulez-vous? Si vous croyez qu'il n'y a rien dans cette lettre qui puisse chagriner Наталья Ивановна, montrez la lui, si non, parlez lui en, et laissez là l'affaire, dès que vous verrez qu'elle lui est désagréable.

Adieu [1, c. 6–7].

Дорогой Дмитрий Николаевич! Ваше письмо пришло как раз в то время, когда я собирался Вам писать, чтобы поговорить с Вами о моих затруднениях в связи с предстоящими родами Наташи и о деньгах, которые мне будут крайне нужны. Таким образом, наши с Вами просьбы были бы обоюдны. Между тем мне удалось кое-что сделать. Князь Владимир Сергеевич Голицын сейчас находится здесь, и я с ним говорил о Вас и Вашем деле. Он мне показался расположенным оказать Вам услугу и сказал, что в конце месяца будет в Москве, где Вы сможете с ним переговорить. Если Вы устроите этот заем, я Вас попросил бы одолжить мне на шесть месяцев 6000 рублей, в которых я очень нуждаюсь и которые не знаю где взять; так как князю Голицыну совершенно все равно одолжить 35 или 40 000, и даже больше, это тот источник, из которого Вы будете так добры почерпнуть, если возможно. — Я не могу сделать этого сам, потому что не могу дать ему иной гарантии кроме моего слова и не хочу подвергать себя возможности получить отказ. Так как Вы глава семейства, в которое я имел счастье войти, и являетесь для нас настоящим добрым братом, я решаюсь надоедать Вам, чтобы поговорить о моих делах. Семья моя увеличивается, мои занятия вынуждают меня жить в Петербурге, расходы идут своим чередом, и так как я не считал возможным ограничить их в первый год своей женитьбы, долги также увеличились. Я знаю, что в настоящее время Вы не можете ничего сделать для нас, имея на руках сильно расстроенное состояние, долги и содержание целого семейства, но если бы Наталья Ивановна была так добра сделать что-либо для Наташи, как бы мало то ни было, это было бы для нас большой помощью. Вам известно, что, зная о ее постоянно стесненных обстоятельствах, я никогда не докучал ей просьбами, но необходимость и даже долг меня к тому вынуждают, так как, конечно, это не для себя, а только для Наташи и наших детей я думаю о будущем. Я не богат, а мои теперешние занятия мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это печально и приводит меня в уныние. Вы знаете, что Наташа должна была получить 300 душ от своего деда; Наталья Ивановна мне сказала сначала, что она дает ей 200. Ваш дед не смог этого сделать, да я даже и не рассчитывал на это; Наталья Ивановна опасалась, как бы я не продал землю и не дал ей неприятного соседа; этого легко можно было бы избежать, достаточно было бы включить оговорку в дарственную, по которой Наташа не имела бы права продать землю. Мне чрезвычайно неприятно поднимать этот разговор, так как я же ведь не скряга и не

ростовщик, хотя меня в этом и упрекали, но что поделаешь? Если Вы полагаете, что в этом письме нет ничего такого, что могло бы огорчить Наталью Ивановну, покажите его ей, в противном случае поговорите с ней об этом, но оставьте разговор, как только Вы увидите, что он ей неприятен. Прощайте [3, с. 110–112].

Ободовская и Дементьев постоянно советовались с Цявловской, информировали об архивных находках, посылали свои публикации. И Татьяна Григорьевна, при всей своей занятости и в последние годы уже не очень крепком здоровье, неизменно во все вникала и подробнейшим образом отвечала. В 1973 г. Ирина Михайловна послала Цявловской газету с вышедшей статьей, сопроводив письмом:

...Эту работу мы провели при помощи Музея; редактировала Елена Владимировна [Муза]. На Ученом совете выступали Благой, Андроников, Файнберг и др. (был Зильберштейн). Они отметили, что эти письма представляют несомненный интерес как материал с новыми данными о Н<аталье> Н<иколаевне> и для биографии Пушкина. Очень хотели бы знать Ваше мнение.

22 октября 1973 г. Цявловская ответила:

Спасибо большое за присылку Вашей статьи «Сестры Гончаровы и их письма». Тут столько интересного материала, что это будет необходимо всякому биографу Пушкина. Интересно неоднократно проходящее через все письма сообщение об удивительном отношении Пушкина к своим свояченицам. Я отмечу несколько мелочей, которые Вам, может быть, пригодятся для книги. На с. 191 — «что привело Екатерину Николаевну к мысли о смерти, может быть даже о самоубийстве?» Последнее из текста не вытекает. Мне кажется, это рискованное утверждение. На с. 192 Вы опускаете какие-то моменты в доказательствах Гроссмана о дате рождения старшей дочери Екатерины Николаевны Дантес-Геккерн. Наталья Ивановна пишет: «Кому ты поручишь надзор за малюткой?» Малютка — не обязательно значит только что родившийся ребенок, малюткой можно назвать и годовалого. Тут, вероятно, не хватает каких-то звеньев. На с. 197 Вы говорите, что Александра Николаевна не стала бы писать о Пушкине в таких тонах, как Фризенгоф. Это, вероятно, нужно обосновать где-то, потому что после статьи Ахматовой читатель едва ли разделит Ваше отношение к Александре Николаевне. Вы совершенно справедливо пишете на той же странице, что когда Пушкин написал

Дантесу письмо, где он указал, что у него «нет никаких оснований приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека» — Вы ставите вопрос, не «означает ли этот намек, что всякий благородный человек должен жениться на девушке, с которой уже вступил в связь?» Именно с этим и связаны слова Загрязской «все концы в воду», которые Вы считаете «загадочными». Об этом Вы прочитаете в «Прометее» в т. X, который выйдет в 1 квартале 1974 г.

В ответном письме Дементьев благодарил за высказанные замечания и просил посодействовать в приобретении «Прометей» со статьей Цявловской, потому что «эта книга и часа не пролежит в магазине — раскупят немедленно и мы боимся прозевать».

В процессе общения между пушкинистами сложились не просто формально-деловые отношения, со временем они переросли в дружеские. Так, работая в архиве над перепиской В.Д. Бонч-Бруевича, Дементьев сделал специально для Татьяны Григорьевны выписку из письма М.А. Цявловского, которое очень ее заинтересовало. Не считаясь со временем, Михаил Алексеевич повторно запросил в архиве материалы и скопировал письмо полностью. Свою благодарность Цявловская выразила в письме от 19 мая 1970 г.:

Многоуважаемый Михаил Алексеевич, сердечно благодарю Вас за копию письма Мстислава Александровича о письмах родителей Пушкина, которое Вы мне прислали. Я не думала, что Вы еще раз пойдете в архив ради этого... Письмо действительно очень интересно.

Любопытен еще один отрывок из письма Цявловской от 27 января 1971 г.:

Ирина Михайловна, милая, меня очень тронула Ваша присылка варенья из черноплодной рябины, когда Вы сами страдаете гипертонией... Оно оказалось целительным (я чувствую себя хорошо) и вкуснейшим из всех варений, которые я когда-либо пробовала! Вообще смутили Вы меня оба своими подарками. Порядочные земские врачи отказывались от подношений, а я вот не умею...

В 1975 г. вышла первая книга Ободовской и Дементьева «Вокруг Пушкина», которую они преподнесли Татьяне Григорьевне, и в пись-

ме перечислили, кому еще ее подарили: «Мы подарили книгу Александру Зиновьевичу [Крейну]. Он очень тепло нас поблагодарил».

В этом же письме к Цявловской Дементьев сообщает:

Защиту Натальи Николаевны мы продолжаем и во 2-й книге, где приводим ряд новых неизвестных материалов. Вторая работа ответственной, т. к. академик Благой нас ввел в число советских исследователей Пушкина, т. е. цеховых пушкинистов, и потому спрос с нас будет большим, чем ранее.

Книга «После смерти Пушкина» вышла в 1980 г., но Цявловская ее уже не увидела, — скончалась Татьяна Григорьевна в 1978 г. Одно из ее последних писем — это открытка от 1 января 1976 г.:

Дорогие Ирина Михайловна и Михаил Алексеевич, спасибо! Я дома. 2-го января в 5.30 по III прогр<амме> телевидения моя передача «Рисунки Пушкина». Все просят читать Вашу книгу. Желаю Вам здоровья.

Проделав важную, трудоемкую работу, результатом которой явились ценнейшие архивные находки; подготовив и выпустив в свет основанные на найденных материалах книги об А.С.Пушкине и его семье, супруги И.М. Ободовская и М.А. Дементьев с полным правом заняли свое место в отечественном пушкиноведении. Это было бы невозможно без помощи и руководства выдающегося пушкиниста, текстолога — Татьяны Григорьевны Цявловской.

Литература

1. Временник Пушкинской комиссии, 1970. Л.: Наука, 1972. 140 с.
2. Крейн А.З. Жизнь в музее. М.: Радуга, 2002. 602 с.
3. Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина / пер. с франц. И. Ободовской. М.: Сов. Россия, 1975. 322 с.

The Correspondence by Irina Obodovskaya and Mikhail Dementyev with Tatiana Tsiavlovskaya (Based on the Obodovskaya-Dementyev Archive at the Alexander Pushkin State Museum)

© 2024. Tatiana B. Tishunina
The Alexander Pushkin State Museum,
Moscow, Russia

Abstract: The publication introduces into scholarly circulation the correspondence of prominent Pushkinists Mikhail Dementiev and Irina Obodovskaya, kept at the Alexander Pushkin State Museum. The central place in the correspondence is dedicated to the discussion of various ways to translate Alexander Pushkin's letter to his brother-in-law Dmitry Goncharov. The letter which M. Dementiev and I. Obodovskaya found in Russian State Archive of Ancient Acts in 1970 was the result of their many years study of the Goncharov's archive. The discovery of Pushkin's genuine letter in the second half of the 20th century was a very important event: 4 pages of Pushkin's text testify to the extremely difficult financial situation of the poet, in connection with which he was forced to turn to his brother-in-law with a request to borrow 6 thousand rubles for 6 months. This letter contains a constant theme of his correspondence in the 1830s: concern about the growing family, about the future of his children, about the impossibility to dedicate himself completely to poetry and writing and to make a living by literary works. The Pushkinists announced their discovery at the academic event held at the Alexander Pushkin State Museum. The publication presents memories of this evening, preserved by Alexander Krein, the first director of the museum. The article also observes other archival findings of M. Dementiev and I. Obodovskaya. M. Dementiev's memoirs describing his meetings with an imminent literary and textual critic Tatiana Tsiavlovskaya are published for the first time.

Keywords: Alexander Pushkin, Michail Dementiev, Irina Obodovskaya, Tatiana Tsyavlovskaya, The Alexander Pushkin State Museum, Moscow, Russia.

Information about the author: Tatiana B. Tishunina — Research Fellow, The Alexander Pushkin State Museum, Prechistenka 12/2, 119034 Moscow, Russia.

E-mail: tatiana-ti@mail.ru

For citation: Tishunina, T.B. "The Correspondence by Irina Obodovskaya and Mikhail Dementyev with Tatiana Tsiavlovskaya (Based on the Obodovskaya-Dementyev Archive at the Alexander Pushkin State Museum)." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 324–336. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-324-336>

References

1. *Vremennik Pushkinskoi komissii, 1970* [*Chronicle of the Pushkin Commission, 1970*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 140 p. (In Russ.)
2. Krein, A.Z. *Zhizn' v muzee* [*Life at the Museum*]. Moscow, Raduga Publ., 2002. 602 p. (In Russ.)
3. Obodovskaia, I., and M. Dement'ev. *Vokrug Pushkina* [*Around Pushkin*], trans. from French by I. Obodovskaya. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1975. 322 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.03.2023
Одобрена после рецензирования: 01.04.2023
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 06.03.2023
Approved after reviewing: 01.04.2023
Date of publication: 25.03.2024